

Рассказ

✍ Евгений Тяпков

В свои юные годы я часто наблюдал из окна одну и ту же картину: из соседнего двора быстрой прихрамывающей походкой, с трёхлитровой банкой в авоське, в лучах утреннего солнца появлялся дядя Слава – отец моего приятеля Юрки Абрамова. По его свежесбритому лицу и наглаженным брюкам я определял, что у дяди Славы сегодня выходной, а по его банке – что в «Зелёный» завезли пиво. Проходя мимо столовой, возле которой всегда топталась кучка местных алкашей, он угощал кого-то из них сигареткой и иногда даже одаривал денежной мелочью.

К обеду, испив пивка, дядя Слава неспешно выходил во двор к доминошному столу и здоровался со всеми играющими за руку. Дядя Слава, несмотря на свою хромоту, был на квартале уважаемым человеком – он работал старшим горновым доменной печи!

Постучав с часок в домино и взглянув на часы, он отправлялся опять в «Зелёный», но уже без банки. Тётя Катя – Юркина мать – с балкона сразу определяла: «Вот чёрт хромой, никак за бутылкой». Ну а ближе к вечеру дядя Слава растягивал свою гармонь: «Эх, зона – родимый уголок! Берёзкин сосны, зелёный лужок...» – несло из открытой двери балкона.

Дядя Слава никогда не был уголовником, но обожал блатные песни и свою старенькую двухрядку. «Всё пропью, гармонь оставлю!» – обычно была его последняя фраза, которую он успевал выкрикнуть перед тем, как рухнуть на кухню со стула. Тётя Катя тащила его на диван, но дядя Слава просто так не сдавался. Он цеплялся за всё, что попадалось под руку, но тётя Катя, по многолетней привычке, всегда одерживала верх. В отличие от мужа, она была женщиной внушительной и на голос – убедительной.

Юркины брат с сестрой, получив высшее образование, разъехались по разным городам. Юрка остался один с родителями в трёхкомнатной хрущёвке. Родители работали на металлургическом комбинате, и в их ночные смены квартира была в нашем распоряжении, чем мы, конечно, злоупотребляли, распивая портвейн и разоряя дядю Славу фонотеку. В ней было огромное количество магнитофонных катушек с записями блатных песен. Мы с Юркой их стирали и записывали своих любимых «битлов» и «роллингов». Дядя Слава об этом не догадывался, но что-то такое чувствовал и нелестно отзывался

Огонь, гармонь и дядя Слава

Справка «ММ»

Евгений Тяпков родился 29 июля 1954 года в Магнитогорске. После службы в армии работал горновым доменной печи на Магнитогорском металлургическом комбинате.

Рассказы Евгения Тяпкова печатались в газетах и в литературных альманахах Магнитогорска. В 2005 году под патронажем газеты «Магнитогорский металл» вышла книга повестей и рассказов «Буханка чёрного». Основной темой творчества Евгения Тяпкова является психологическая и сюжетная проза, вскрывающая острые социально-политические проблемы.

Евгений Тяпков

о молодёжи. Особенно ему не нравились «хиппари», коими мы себя считали. Каждый свой выходной он выносил нам один и тот же вердикт: «На печь бы вас ко мне, дармоеды!»

В сорок шестом году Юркиного отца вместе с другими пацанами из соседних деревень привезли в Магнитку. Когда их стали сортировать на две группы, то он заметил, что в одну попадали крепкие ребята, а в другую – такие доходяги, как он. В последний момент он из «доходяг» перебежал к «нормальным». Так судьба на долгие годы определила его в металлургии – «заживо гореть на печи».

А спустя два года, навещая мать в деревне, он опоздал на смену, за что по законам того времени был осуждён. Бывалые сокамерники посоветовали ему написать в Москву «всесоюзному старосте» – дедушке Калинину. Он написал и, к своему удивлению, через три месяца был освобождён.

В подпитии дядя Слава любил нас с Юркой учить жизни. Например, о супружестве он говорил так: «В семье должен гулять кто-то один: или муж, или жена. Если гуляют оба, то это уже не семья». «А если оба не гуляют?» – пытались мы озадачить Юркиного отца. Он, не задумываясь, отвечал: «Таких не бывает». Вот так всё просто и понятно.

К своей внутрицеховой жизни дядя Слава также был небезразличен. «Ну, и кому «героя» дали? – плевался он, обсуждая в выходной на кухне текущие дела своего цеха. – Хабаров в Индии «замороженную» домну раздул, а ему не дали!» «Так то ж в Индии», – возражал дяде Славе сосед по подъезду. «А престиж страны?

Никто не смог, а мы смогли! Индира отвалила ему мешок денег и огромный ковёр, а наши здесь мешок изъяли и ковёр на меньший подменили. Тыфу, мать иху! Эх, зона – родимый уголок...» – растягивал в сердцах свою гармонь дядя Слава, матерился и буянил, пока тётя Катя не уносила его из кухни на диван, где он назло всем врагам выкрикивал: «Всё пропью, гармонь оставлю!»

Прошли годы. Отслужив в армии, я вернулся в родной город и, конечно же, как и дядя Слава, стал металлургом. И так получилось, что даже женился на девушке по имени Катя.

Дядя Слава уже был на пенсии. Он подбрел, успокоился, увлёкся зимней рыбалкой, перестал ругать коммунистов и нашёл на стороне подругу сердца – Шураньку. Гармонь, заботливо укрытая вышитой тётей Катей салфеткой, всё больше простаивала на комодом рядом с большим чёрно-белым фотопортретом молодых Юркиных родителей.

«Как можно в мороз весь день просидеть на льду?» – спрашивал я у Юркиного отца о рыбалке. «Всю жизнь у печи жарился, а теперь вот охлаждаюсь», – улыбался он.

Бывало, что обнаруживали мы с Юркой у подъезда калошу с валенка его отца, а уже в подъезде – и валявшийся ледобур. «Никак батянька с рыбалки вернулся», – уга-

дывал Юрка. И точно! Всего двух ступенек до квартиры не смог одолеть бывший боец металлургического фронта Вячеслав Афанасьевич. Он, вероятно с устатку, возлежал на лестнице, находясь в глубоком сне. На его руках были надеты меховые рукавицы, так как, будучи гармонистом, дядя Слава берёт свои руки.

Я часто заходил к Афанасичу в «Зелёный», где он подрабатывал грузчиком. Я покупал бутылку водки, и мы тихо выпивали в подсобке за ящиками. «Ну что там в цехе?» – интересовался он. «Лётку сейчас закрываем какой-то обезвоженной массой. Она дымит жёлто-зелёным, зараза, вдохнёшь – слёзы с соплями текут и продирает аж до кишок», – рассказывал я.

Глядя на Афанасича, я удивлялся. Как он, маленький, хромой, с птичьей грудью мужичок, бригадировал над здоровыми, как бугаи, парнями? Тридцать два года на доменной печи!

Поколение металлургов военных лет на пенсии жило не долго, Афанасич же каждый день разгружал машины с молоком, загружал их пустой тарой, успевал ковыряться на своём садовом участке и даже – подумать только! – завёл на стороне женщину.

А тётя Катя слегла после инсульта, её парализовало. Сказались ей, всё-таки, кирпичи на тяжёлом производстве. Она целыми днями лежала в зале на диване, и за ней нужен был уход. Когда я заходил к Юрке, она, улыбаясь здоровой половиной лица, спрашивала меня: «Ну что, Женька, домны дымят? Как твоя Катерина? Смотри не обижай её». Я прикрывал постоянно открытую балконную дверь и отвечал:

«Дымят! И Катерина тоже, бывает, «дымит» – аж раскаляется!» Одна радость осталась у тёти Кати – это поговорить с кем-нибудь.

А в один прекрасный день Афанасич заявился домой со своей зазубой. Мы с Юркой так и разинули рты. «Александра», – тихо представилась она нам. Это была аккуратная женщина средних лет с печатью набожности на лице.

Она молча помыла полы и прибралась на диване у тёти Кати. Та не проронила ни слова, только здоровая половина её лица медленно мертвела. Когда Шуранька собралась уходить, то Юрка простодушно спросил у неё: «Тётя Шур, троячком не выручите?» «У меня только десятка», – протянула она ему деньги. Взяв их и закрыв за ней дверь, Абрамов сказал мне: «У меня подозрение, что она дурра!» За последний год он уже бросил третью работу, о чём Афанасич ещё не знал.

Потом Шуранька приходила уже одна. Тётя Катя открывала глаза и, не мигая, смотрела на неё. Говорить она уже не могла и только бессвязно мычала. Незаметно перекрестясь, Шуранька мыла полы, стирала и развешивала на балконе простыни. Я смотрел на этих двух женщин и понимал, что была в них какая-то своя правда, недоступная ни мне, ни Юрке, ни Афанасичу.

После смерти тёти Кати Афанасич поселился у себя в саду, развёл там кроликов и давил сок из груш и яблок. Его домик стоял недалеко от домика сторожа, так что скучно дяде Славе там не было. Иногда и мы с Юркой наезжали. Афанасич спускался в погреб и подавал нам оттуда «нектар солнца». Печь, кровать, стол, два стула и стены, оклеенные репродукциями из «Огонька», – вот и вся обстановка. Ещё была канистра с керосином для лампы и примуса. Больше ему ничего и ничего не было нужно, и он стал оставаться там и на зиму.

Конечно же, дядя Слава не умер своей смертью. Он не мог вот так взять и занемочь, лечь и умереть. Просто его домик в саду сгорел. Никаких следов и останков дяди Славы на пепелище обнаружено не было. Погоревав, все решили, что дядя Слава тоже сгорел, и похоронили его почти новый праздничный костюм, который он наделал по торжественным дням.

Так что могилка есть и памятник стоит. И его доменная печь стоит, только, говорят, не дымит уже давно.

А я, бывает, в подпитии рву на себе рубаху: «Всё пропью, гармонь оставлю!» Надо же, удивляюсь, привязалась-таки и ко мне эта несчастная «гармонь».

Лирика

«Подобны небесным птицам...»

✍ Михаил Безбородов

***

В глухую полночь бродят думы,
И без них мне – никуда.

Ведь с ними ходят пилигримы,
Мои продрогшие года.

Они тревожат снега замять,
И грустно мне: что ж говорить!
Дошёл патрон в обойму память.
Как жаль!

Прошлое не вернуть.

Город огненной реки

Люблю я город огненной реки
В зарницах солнечной капели.

Отсюда, притяженью вопреки,
Стальная слава полетела.

Её гнездовье – гора Атач,
Поросшая травой медуницей,
Где в недрах – огненный калач,
Хранимый природою-сестрицей.

Он – Прометей!
Но рядом горновыи!

Властелины силы и огня.

Кто в День Победы,
в годы роковые
Творил величие огня.
Один из них – на пьедестале,
Завершив могучий труд,
Богатырём из магнитной стали
Встал над городом –
Былинным кладом руд.

***

Ушли стихи – примята мурава,
И нет путей мне

к вам возвратных.

Летите вдаль – взрастёт трава
Среди дерев – весной богатой.
И люди скажут: «Весна пришла.

Ведь вы подобны
небесным птицам.
Вы, милые, дуновением крыла
Освежите людские лица.

***

Женщина,
Ты – моря синего волна.
А я – кораблик, на волне летящий.
Душа твоя – золова струна,
Как ветра клавесин звучащий.
Ты – появленье материнства
на земле,

Мужчинами земли любимой.
Стихом прикованный к веслу,
Я – пленник твой,
тобой хранимый.